

ГОРОД СЧАСТЬЯ

«Тот общий дом возвысится над всем усадебным, дворовым городом, а малые единоличные дома опустеют, их непроницаемо покроет растительный мир, и там постепенно остановят дыхание исчезающие люди забытого времени...»

Андрей Платонов «Котлован»

Той ранней весной у тещи Платонова случился инсульт, и она слегла на подмосковной даче. Жена, уже пенсионерка, осталась ухаживать за матерью и вынужденно поселилась там же. Следом за женщинами на дачу перебрался и сам Платонов – мужчина 57 лет – до пенсии работать и работать, а в одиночку в Москве жить ему еще не хотелось.

Располагалась дача в полукилометре от платформы Веснянка – малолюдной и даже живописной. Снег еще лежал местами грязно-белыми пятнами, по утрам вяло подмораживало, но в воздухе чувствовалась теплота и обновление. Теперь Платонову предстояло ездить на работу в институт на электричке. Расстояние, как он посчитал, было терпимым для его возраста и состояния здоровья.

Однако очень скоро Платонов понял, что ежедневные поездки в Москву не из легких, прежде всего, по причине переполненности местных электричек. Нет, на его станции с теплым и ласковым названием можно было спокойно войти в проходящий поезд и даже выбрать место. Но через две остановки на пути к Москве все менялось. Там находился город с 250-

тысячным населением и весьма странным названием – Электросварочный, происхождение которого толком никто не мог объяснить.

Правда, названия иных близлежащих городов также не блистали разнообразием и не ласкали слух. Может быть, в свое время какой-то крупный чиновник пережил удар током, раз его воспаленный ум стал придумывать такое. Электросталь – ну ладно, еще терпимо, но дальше: пошли Электроугли, Электрогорск, а апофеозом этой фантазии стал, конечно же, Электросварочный. Стыдясь своей малограмотности, Платонов даже покопался в Интернете, чтобы узнать, когда был изобретен электросварочный аппарат. Оказалось, не здесь и не тогда. Электросварка впервые была применена в 1882 году, когда города Электросварочного и в проекте не намечалось. А может в этом месте впервые в СССР запустили народно-массовое производство электросварочного оборудования? Имевшиеся источники не давали никакого ответа и на этот злободневный вопрос.

Мысль о человеке, придумавшем эти названия, прочно засела в голове Платонова. Какую он носил фамилию, имя-отчество или же был безымянен, безлик, как одинаково безлики и серы пейзажи улиц, названных или обозванных им городов? А, может быть, этот деятель мимикрировал, ловко сменил концепцию? Ведь появился же на свет такой город как Железнодорожный. Перевалочного железнодорожного узла там нет, как нет ни одного рельсопрокатного стана, вагоностроительного завода или даже предприятия, изготавливающего болты для железнодорожных шпал.

Как прекратилась эта буйная человеческая фантазия великого электровыдумщика? То ли закончились требующие своего наименования или перенаименования города, а новых мало строилось, то ли его просто арестовали за вредительство, завезли в подвал Лубянки и там пристрелили за ненадобностью? Но пришли на его место другие начальники, и ни одному из них в голову не пришло заменить этот новояз на более человеческие, теплые названия. Ведь есть же такие ласкающие слух имена как Купавна, Зарайск, Ожерелье, даже Раменки!

А еще Платонов подумал над тем, как должны именоваться жители Электросварочного? Ведь жителей каждого города как-то называют: в

Москве – москвичами и москвичками, в Питере – петербуржцами, в Нижнем – нижегородцами и нижегородками. В Архангельске, как-то необычно, жителей зовут архангелогородцами – тоже неплохо. А тут? Электросварочники? Электросварщики? Чертовщина какая-то! Электросварщик – это же профессия, а не географическая принадлежность. Тогда как? А женщины, выходит, электросварочницы?

С улицами также было не все понятно. Заинтересованный Платонов в интернете посмотрел, что одна из центральных улиц Электросварочного называлась Телевизорная. Тогда он мимоходом поинтересовался у соседа по даче Анашкина, который имел квартиру в Электросварочном, какой марки телевизоры делали в городе.

– А никакие не делали, – запросто ответил сосед.

– Так, а почему тогда улицу назвали Телевизорная? Я не беру во внимание эстетическую сторону дела, – робко заговорил Платонов.

– У нас город, понимаешь, ре-жим-ный. Было военное производство, завод для изготовления систем наведения ракет ПВО. Ну вот, чтобы зашифровать его и придумали такое название.

– Но люди-то знали об этом? – не унимался Платонов. – Ведь если Телевизорная улица, а телевизоры местной марки в городе не продаются, то всем ясно, что никакие не телевизоры...

– Да что ты меня допрашиваешь, нет уже никаких телевизоров – вон иди *соньку* купи или *афонасия* *, да и завода никакого больше нет. Отстань со своими приколами! – отмахнулся Анашкин и отправился ковыряться в своем жигуле. Анашкин всегда ковырялся в жигуле, в нем всегда нужно было ковыряться, но что он там находил внутри этого треклятого жигуля – Платонов не понимал.

Сами же местные жители называли свой город кратко: Сварка! Это как удар молота по наковальне, как забиваемый в доску одним ударом гвоздь. словно им не хочется выговаривать лишние, утяжеляющие слоги. И если в Москве на вокзале покупали билет, то никто не говорил: мне до Электросварочного, а говорили четко: до Сварки! Куда поехал? В Сварку! Откуда ты? Из Сварки!

* Так люди 1990-х годов называли японские телевизоры «Сони» и «Панасоник»

Однажды Платонов поделился мыслями относительно названия города с женой. Та что-то хлопотала вокруг неподвижно лежащей в постели матери и отмахнулась от него:

— Что ты мне говоришь какую-то чепуху! При чем тут название?

— Да нет, — как-то рассеянно сказал тот, — это вовсе не чепуха. Если рисовать все в мрачных тонах — будет мрак, если в веселых — то и жизнь станет веселее.

— Ты вот как мою жизнь сможешь приукрасить?

— Твою — никак. Разве что помогу с делами.

На том разговор с женой и иссяк.

Отныне день за днем Платонов заходил в подъезжающую к Веснянке электричку, занимал место, чтобы поменьше мешать людям проходить вдоль вагона, и чтобы ничто ему не досаждало, раскрывал книгу либо журнал, а часто просто созерцал проплывающие мимо пейзажи — подступающие к полотну дороги крепкие дубы и клены, за ними — поле, а еще дальше — синеющий лес, в котором белоствольные березы прятались за шапками косматых сосен. Пока было что созерцать. Идиллические картинки быстро заканчивались, когда из-за леса показывались мрачного цвета складские помещения, ангары, стук колес усиливался на стыках рельс, за ними — мрачные и огромные по размерам фасады новострой.

Новострой в немом уоре проезжающим каменными истуканами нахально выступал навстречу, электричка, хрипло посвистывая, вползала в немое чрево города. Рядом с уходящими ввысь домами причудливо возникали аляповатые в стиле морвокзала станционные постройки и платформа, на которой темной спрессованной толпой громоздились люди. Состав притормаживал, чтобы остановиться и распахнуть двери для этой человеческой массы.

С этой минуты привычный уют вагона нарушался, порядок приходил в смятение: в распахнувшиеся двери врывались сотни людей, многие из которых рыскали в поиске свободного местечка, кто не успевал и оказывался менее проворным — искали уголок, где бы поудобнее было притулиться, а уж кому и уголка не нашлось — тот становился в проходе и начинал отвоевывать жизненное пространство у соседей. От Электросварочного до самой Москвы шли одни многоэтажки, в силу чего с

каждой новой станцией заполняемость вагона только усиливалась, в него набивалось все больше пассажиров, спрессованных одним могучим порывом – непременно ехать в столицу, которая их всех манит и поглотит. Электрички шли каждые семь минут, но от этого людей в них не становилось меньше.

По прибытию на столичный вокзал вся эта смятенная толпа вырывалась из душных вагонов, подобно шипучему вину, освобождаемому открываемой пробкой. Сминая и подпирая друг дружку, люди мчались на выход к турникетам, за которыми в застывших ожидательно-подозрительных позах шеренгой выстроились с десятков созерцающих картину контролеров. Делать им было явно нечего, поскольку турникет не перепрыгнет даже человек с неплохой физической подготовкой.

Благополучно разбежавшись с московского вокзала по разным транспортным веткам, все эти люди во второй половине дня также – кто более стремительно, кто более расслабленно начинали стекаться к вокзалу, к знакомым, заваленным мусором платформам, чтобы поскорее забить место себе и сотоварищам в уходящих электричках. Мужчинам удавалось жадно выкурить сигарету, выпить бутылку пива и дать кому-то последние указания, женщинам – отзвониться о посадке на поезд, обменяться сплетнями с возвращающимися с работы такими же измученными дорогой подругами. Кто не находил себе места, занимали на платформе выжидательную позицию до следующего поезда. Они теперь находились в лучшем положении, поскольку знали, где будут двери у следующего состава, чтобы на этот раз быть первыми. Тому, кто не решался на новое ожидание, оставалось стойко переносить тяготы поездки.

Платонову и раньше доводилось электричками и на машине ездить на дачу через Электросварочный, мало обращая внимания на этот колорит. А город все последнее время неуклонно разрастался, превращаясь в бессистемный и непонятный по планировке и структуре конгломерат или скопище домов. Сначала городская администрация ставила перед собой весьма скромную планку по сносу ветхого жилья и строительству на его месте нового. Однако, как говорится, аппетит приходит во время еды. И процесс, по образному выражению последнего генсека ЦК КПСС, пошел.

Поразительно быстро это самое местное начальство раскусило ситуацию: город-то недалеко от Москвы, можно ездить на работу, а, значит, желающих поселиться в нем будет очень много, тем более, что место не престижное, следовательно, цены будут привлекательными. И пошло-поехало! Построили дома в 16 этажей – показалось мало, стали строить в 20, а затем и в 25 – тоже хорошо – площадь экономишь.

Отведенные площади застроили, и тогда кто-то мудрый вспомнил о точечной застройке. Между этими домами принялись возводить еще дома – так, что из окон 25-го этажа можно было лицезреть, как в доме напротив на 24-м этаже, раздеваясь, жена укладывается в постель, в то время, как ее мужик в спортивном трико с оттянутыми коленками, а то и просто в трусах и майке, на кухне откупоривает очередную бутылку пива, уставившись в телик и не замечая ничего более вокруг себя.

При строительстве никто не удосужился подумать, а как въехать в этот конгломерат или выехать из него. Никаких подъездных путей не проложили. Домов настроили, накупили автомобилей, а куда ставить средства личного передвижения? Поначалу между домами планировали скверики и детские площадки, но очень скоро их все ликвидировали за нерентабельностью, поскольку выяснилось, что ставить автомобили ценнее и актуальнее, нежели играть детям, тем более, что за автотранспортом – будущее. Скоро все не столь уж большие территории вокруг домов плотно запрудили автомобилями, но места всем все равно катастрофически не хватало. Если сумел поставить свое авто поближе к подъезду – считай повезло, но тут же возникала головоломка: а стоит ли поутру уезжать с насиженного места, ведь через пять секунд оно будет занято и, возможно, навсегда. Тогда что делать? Держать свою машину как выставочный экспонат иди куда-то отгонять ее подальше? А если вдруг приспичит за город выехать? А если в магазин за покупками? Детей в кружок или в школу отвезти?

В силу этих означенных факторов все близлежащие улицы и проезды закупоривались огромными пробками, которым не было ни конца, ни начала. Получалось, что единственное время, когда на личном транспорте можно хоть куда-то проехать – это раннее утро в воскресенье. И все эти

картины постепенно раскрывались перед ранее не замечавшим их Платоновым со всей очевидностью.

Планировалось через пятилетку удвоить население города, заселив его в одинаковые квартиры одинаковых домов. Для вящей убедительности был запущен ловкий рекламный ход: скоро к Электросварочному подведут ветку метро. Даже что-то начали строить, срезать вдоль путей холмики. Ведь чем больше покупателей квартир, тем актуальнее хозяевам поднять планку их стоимости. Ведь все-таки метро! А так квартиры по цене Мерседесов – это уж слишком банально. Но скоро выяснилось, что строят не метро, а дополнительную ветку для электричек, что тоже немаловажно. Из ста семидесяти тысяч трудоспособных жителей города только три или четыре работали собственно в городе, все остальные ездили в Москву, усугубляя транспортный коллапс в столице нашей Родины. Все предприятия в Электросварочном лежали – то ли в виду низкой рентабельности, то ли ненужности данных производств для экономики страны. Правда одно предприятие все-таки работало – это местный ликеро-водочный завод, куда беспрестанно заезжали грузовики и выезжали из его ворот уже заполненными позванивающим на неровностях дороги товаром.

Сидя в электричке рядом с входной дверью, Платонов обратил внимания на рекламку, которая гласила: «Квартиры в Городе Счастья. Микрорайон города Электросварочный – тихое место, рядом – парк, речка, уют. Квартиры от 1,5 млн. руб. Скидка – 10%!» А еще одна фраза явно имела смысл подстегнуть интерес покупателей: «Число квартир тает!» Сначала он отвернулся от рекламного плаката, на котором были изображены мало похожие на законную реальность красивые домики рядом с лесной поляной, но затем его взор вновь вернулся к этой рекламке. «Интересно, как этот Город Счастья выглядит на самом деле?» – почему-то подумал Платонов.

Но скоро его голову заняла еще одна мысль: а могут ли быть счастливыми люди в городе с таким названием как Электросварочный? Наверное, романтика, красота и естественность названия города или села так или иначе влияют на состояние души, также, как и имя человека играет роль в его судьбе. А ведь хорошо известно, что рядом с Электросварочным были некие поля аэрации, а точнее крупнейшая московская помойка. Тем

не менее, настойчивая реклама всюду зазывала людей в Город Счастья. А чтобы они никогда уже не могли оттуда выбраться: квартиры по специальной цене только в течение одного месяца! Ипотека сроком на 20 лет под 20% годовых! Рассрочка! – О чем только не кричали эти назойливые барахольные зазывалки!

А ведь долгая и тяжелая дорога на работу не настраивает на конструктивный лад, сбивает с мысли, с ритмики, заставляет мозг переходить в дремотное состояние или, как сейчас говорят, *стэнд-бай*. Где-то Платонов прочитал, что, если дорога занимает больше часа в один конец – это кое-как терпимо, если полтора – угнетает человека, а если два – выпивает из него все соки. Электричка от Электросварочного до Москвы шла 40 минут, плюс дорога от местожительства до станции, а затем от московского вокзала до места работы, которая может в отдельности потянуть на полчаса, а то и больше. В час никто не укладывался.

Даже одеты жители Электросварочного в основной своей массе были как-то одинаково. Мужчины – в темного цвета куртки и джинсы, женщины – немного более разнообразно, но тоже традиционно – ни радующих глаз расцветок, ни каких-то иных эстетических или даже сексапильных аксессуаров. Обувь, которую они носили, выглядела однообразно скучной, грубой на вид, а часто – грязной или неряшливой, поскольку, очевидно, до платформы им приходилось добираться через стройплощадки или по таким же грязным и неряшливым улицам. В подавляющем своем большинстве, заняв свои места в вагоне, они тут же доставали свои электронные устройства и начинали созерцать экранчики, отыскивая в них ответы на все их жизненные запросы. Они редко улыбались, не смеялись искренне, не обсуждали проблемы мироздания, предпочитая пребывать в свое мирке – тесном и виртуальном, в котором можно стать миллионером, героем, иметь крутую тачку или преодолеть чудовищные препятствия. Бред какой-то, заполняющий всю жизнь этой чертовщиной.

Справедливости ради нужно сказать, что попадалась и читающая публика. Вот напротив Платонова пристроился молодой мужчина лет 35-ти, уткнулся в книгу. По всему было видно, что книга его не увлекает, но он ее упорно читает, чтобы выглядеть продвинутым. Платонов, когда читатель в очередной раз перелистывал страницы, обнаружил заглавие

книги – «Джонни и мертвецы». Когда-то его сын, учась в младших классах школы, где-то раздобыл и читал подобного рода книжонку, покуда Платонов ее потихоньку не изъял и не выбросил в мусорку. Мальчонка-то ладно, но чтобы такую галиматью читать взрослому человеку... А третьего дня он стоял в тамбуре и молодая женщина читала электронную книгу. Поскольку Платонов стоял у нее за спиной, то экранчик был ему хорошо виден. Раз взглянув на него, он невольно возвращался взглядом к каждой новой странице и уже не мог оторваться. Это был роман-фантазмагория какой-то, видимо, возрастной, но жеманной дамы по имени Александра Лисина. Повествование велось от лица главного героя, видимо, супермена и морпеха, смотревшего на мир глазами своего автора, и, видимо, обладавшего всеми чертами характера, ужимками и самолюбованием этой манерной дамочки.

Сначала герой был в хорошем бравом настроении: «я был обольстительно весел», «я вел себя непринужденно», «я беззастенчиво вмешался в разговор», «я кокетливо улыбнулся» (неужели своему товарищу?) – выхватывал Платонов из текста короткие, отточенные заманикюренными пальчиками фразы. Но потом, этот морпех с душой плаксивой дамы, видимо, закапризился, скуксился, и тональность его мирооценок резко изменилась: «испепеляюще ответил я», «я укоризненно посмотрел на нее», «хмуро буркнул я». А может быть, это – голубой морпех или какой-то трансвестит? В тот момент Платонов вспомнил замечательного писателя-сатирика Александра Иванова – вот для кого роман писательницы Лисиной был бы поистине кладезем для блестящих пародий! Жалко, что ушел он из жизни рано и не дожил до появления такого романа.

Нередко кому-то в тесноте и духоте вагона становилось плохо, и тогда вызывали машиниста.

– Какой вагон? – спрашивает машинист по громкоговорителю. – Третий от конца или от начала? Хорошо, вызову!

Сеанс связи для всего состава на этом заканчивался. Впрочем, если между пассажирами затевались разговоры – то они, скорее всего, походили на грубое выяснение отношений. Или вот подвыпившие парни нахально

ржут на всю электричку, бросая вызов общественному мнению – попробуй задери нас!

Невольно Платонов прислушивался, о чем говорят по телефону жители Электросварочного. Время от времени у кого-то из пассажиров играла музыка или булькал телефон, и тогда начиналось выяснение отношений.

– Там платежка пришла или нет?.. Что там Колян?.. Ну дай этому пусть сходит... Да нет, не за той подписью!.. Они что, обалдели?

– Эти там еще раствор не привезли? Не доехали? Через три часа приедут? Во, блин!

– Трубу отпилили? Кран перекрыли? Яму выкопали? А где гвозди?

Но вот звенит телефон у мрачной, придавленной обстоятельствами дамы, та внезапно расплывается в подобии улыбки и начинает раскрывать всю свою поднаготную:

– Не, я с матерью не...Представляешь, Танька купила квартиру, взяла кредит...Квартира большая, почти как у нас, но поменьше нашей...Нет, у нас побольше, – не без самодовольства утверждает голос счастливой ее обладательницы.

И зачем она не без хвастовства рассказывает это всему вагону? В чем смысл такого рассказа? А вот заиграла знакомая с детства мелодия у тетеньки с авоськами лет 55-ти или 60-ти. Очевидно, на связи подруга. Дама расплывается в довольстве и начинает тут же горошить ее новостями:

– Да, Танька Масленкина звонила... Ирка? Ирка тоже самое... Видела тут Людку Ибрагимову...Она дом строит. Двухэтажный такой...Одна, одна...Нет, сыновья к ней не ездят. Давно строит, но строит...

Платонов живо представил себе эту Людку с нерусской фамилией, которая побывала замужем за восточным человеком, а потом то ли он ее бросил, то ли она не захотела быть третьей или четвертой женой, и вот теперь изо всех сил, тратя все свои накопления, горбатится ради призрачного счастья в виде двухэтажного дома – немаленького, видимо, по размеру, наполненного звенящей пустотой и никому ненужного, в том числе и ей самой. И нет у Людки Ибрагимовой ни друга, ни близкого

мужчины, а последнего помощника она прогнала по причине его неумения работать или беспробудного пьянства. А может и сама она наработается, купил бутылочку водочки, включит телик и под душераздирающий сериал всплакнет разок-иной, вспоминая молодость, ее ошибки и неразделенную любовь, а потом забудется в беспокойном сне, чтобы с утра опять начать этот свой сизифов труд. А по большому счету формируется убеждение, что все эти люди – кто в мечтах, кто в перспективе – строят где-то еще один город – большой, одинаковый, спрессованный, до боли похожий на их Сварку, призванный разве что для того, чтобы укрыться от непогоды, поскольку ничего другого они себе просто не представляют.

Сцену немного оживляет женщина помоложе – возрастом за 40 с прямыми светлыми волосами, длинным востреньким носиком и двумя пакетами в руках. Она стоит в проходе, внешне никак не обозначая свои намерения.

– Женщина, вы выходите? – спрашивает ее мужчина примерно такого же возраста как она. Она мерит его с ног до головы деланой улыбкой, в которой воедино соединяются снисходительность и самодовольство одновременно.

– А, по-вашему, я стою, чтобы вам мешать проходить?

– Я не знаю, женщины многие просто так стоят.

– Зато я знаю.

С этими словами она делает небольшое движение в сторону вагонных дверей, как бы демонстрируя свое намерение. На остановке они выходят, мужчина предпочитает держаться от не на почтительном расстоянии.

Невольно Платонов обратил внимание, что каждый раз в одно и то же время в один и тот же вагон (кстати, он тоже привык ездить в одном и том же втором вагоне с головы поезда) на Электросварочном заходят одни и те же люди, занимают одни и те же облюбованные ими места. Он даже придумал им свои клички. Одну женщину он изначально обозначил как Красавицу. Было ей лет около сорока – статная, с мелированными волосами, в темном облегающем фигуру пальто, в высоких модных замшевых сапогах. Не блдинка, но желающая на такую походить. Она старалась первой войти в вагон и по возможности присесть.

Еще двух пассажиров с Электросварочного Платонов назвал Чушка и господин Сарделькин. Чушка – это девица неопределенного возраста, которой можно было дать 20, а, может быть и 35 лет, виду тоже неопределенного. Она не излишне толста, но как-то тяжеловесно-мясисто и неуклюжа. Чушка – потому, что ходит всегда в одежде, мягко говоря, второй свежести: поролоновое пальто ее обычно засалено в своих полах и на рукавах, бесформенные сапоги видели щетку и гуталин, наверное, в позапрошлом году. Она никогда не красит лицо, волосы всегда по-быстрому собраны в пучок, пальцы ее рук короткие, а ногти не продолговатые, а поперечно-широкие, лицо также широкое. Обручального кольца на безымянном пальце правой руки, естественно, не отмечалось, и на молодых людей она не обращала ровно никакого внимания, как, впрочем, и они на нее. Платонов иногда внимательно и сочувственно ее рассматривал, почему-то вспоминая одиноко бродящую гармонь.

Под стать ей был и господин Сарделькин – мужик лет тридцати пяти, высокого роста (метр девяносто) с массивной головой, с вьющимися стриженными волосами, такими же массивными вторым подбородком и животом. Он все время ходил в одной и той же кожаной коричневой куртке, с неизменной барсеточкой за запястье левой руки, в которой вмещалось все его небогатое рабочее наследство. Пальцы его рук толсты и мясисто как сардельки. Именно за это Платонов и окрестил его Сарделькиным.

У Чушки и г-на Сарделькина одно общее свойство помимо того, что оба носят очки. Как стоя на платформе, так и в проходе переполненного вагона, они выключают в виду его бессодержательности окружающий мир и всех людей из своей жизни. Оба настойчиво держат перед собой экранчики своих айфонов и всю дорогу упрямо тыкают в них пальцами, словно вся их жизнь сосредоточилась в этих экранчиках. Иногда краешком глаза Платонову удавалось взглянуть, чем же эти экранчики так увлекли своих хозяев. Чушка гоняет из стороны в сторону каких-то чертиков, пока те, наконец-таки, не попадают в ловушку и не сгорают яркой точкой. Г-н Сарделькин пролистывает какие-то одному ему понятные тесты. При этом его железно-каменное лицо подобно игроку в покер никогда не выражает никаких эмоций – ни радости, ни огорчения, ни удивления, ни доброты, ни

злости, оставаясь одинаково бесстрастным. Ни Красавица, ни Чушка, ни г-н Сарделькин никогда не обмениваются с кем бы то ни было из пассажиров даже короткими репликами, как будто вокруг них никого не существует.

Еще наряду с ними в вагон заходит мужчина пенсионного возраста в пластмассовом пиджаке темно серого цвета и в солнцезащитных очках с темно оранжевыми стеклами. Именно пластмассовый пиджак стал его визитной карточкой. Мужчина мог поменять пальто на плащ или на куртку, но пластмассовый пиджак не менял никогда. В холодное время он расстегивал полы верхней одежды, чтобы пиджак был виден, а, когда становится теплее, мог носить этот неизменный пиджак открыто демонстрируя его людям. Платонов так и не смог догадаться, в чем достоинство этого пиджака. Мужчина этот регулярно и подолгу разговаривал по мобиле, давая властным голосом отдаленному оппоненту указания и, тем самым, подчеркивая свое руководящее положение. Условно Платонов назвал его Важняк.

За все время своих поездок Платонов крайне редко находил в вагоне яркую привлекательную, со вкусом одетую женщину, равно как и мужчину с изяществом благородных манер, а не хамовито-пренебрежительной жестикуляцией невежды, которому вдруг достались шальные деньги. И очевидный вывод из этого подсказали молодые люди: первое, что делает житель Города Счастья, если добивается успеха – это опрометью уезжает жить в другое место. Однажды напротив Платонова уселись парень в спортивных брюках, красной рубашке-поло, модных кроссовках, судя по разговору работавший либо тренером по спорту, либо инструктором, и девушка, также одетая в спортивную одежду. Они подробно говорили о катании, а затем как-то незаметно перешли на местные реалии, а точнее на заработки.

– Сейчас в Электросварке никто и не работает, – сказал парень, оценивая местную ситуацию в экономике, – одни какие-то психи остались.

Для молодежи Электросварочного своеобразным развлечением или своего рода «писком» стало зацеперство. Эти молодые люди – кто в одиночку, кто парами, кто группами, включая девушек, цеплялись сзади за электрички и катались с ветерком, вызывая панику у железнодорожных

служащих и оторопь у взрослых людей. Однажды Платонов, доехал до станции Новогиреево в последнем вагоне и, чтобы сократить путь, решил спуститься на рельсы. Там сзади можно было не прыгать с платформы, а аккуратно спуститься по ступенькам последнего вагона на рельсы. Тут-то он и обнаружил зацепера – паренька, словно приклеившегося к задней стенке вагона, усевшегося на одну ступеньку и вцепившегося руками в скобу. Платонов на мгновение задержался, рассматривая зацепера. Зацепер тоже посмотрел на Платонова.

– А не страшно тебе так ездить? – спросил его Платонов по-доброму и естественно.

– Да нет, не страшно, – как-то буднично ответил зацепер.

– А если руки занемеют или замерзнут на ветру? А может и голова закружиться.

– Да нет, пока не кружится.

– Ну смотри, хорошей тебе дороги, – пожелал пареньку Платонов.

– И вам тоже.

Поезд тронулся, набирая скорость и увозя зацепера к горизонту.

Жители Электросварочного пишут на заборах и стенах ангаров, прилегающих к железной дороге сбивчивые послания друг другу. Граффити у них как-то не распространено, а появляются надписи аршинными буквами типа: «Слава – козел». А вот трогательное послание человека нерешительного и предпочитающего общаться эпистолярно: «Кисонька, я тебя люблю!» или вовсе непонятные: «Зига-ой, Зага-ой!» Но чаще на заборах и торцах зданий и платформ появляются номера телефонов с маркетинговыми предложениями, как правило, трех основных товаров 1) порох, 2) соль, 3) смесь. Кто-то даже предлагал на импортный манер товар типа MIX, кто-то – пробу, наверное, попробовать за бесплатно разок, чтобы потом пользоваться этим зельем всю укороченную оставшуюся жизнь, отдавая за это все, что наживали непосильным трудом родители или иные родственники. Но, надо отдать должное, то ли милиции, то ли каким-то энтузиастам из народа, старательно замарывавшим номера этих телефонов. Впрочем, через какое-то время они с завидным постоянством появлялись вновь. Считается, что уровень наркомании в этом районе области самый высокий.

В тот год много и всюду одинаково хорошо давали кредиты, и эти кредиты, похоже, стали основной политикой банков и всех тех, у кого водились деньги. Предлагали кредиты под 25 и даже 30 процентов годовых, более смелые давали под 35 процентов людям всех возрастов и всех видов деятельности без ограничений. Для особо нетерпеливых на железнодорожной платформе было вывешено специальное объявление с предложением кредитов под 10-12% в месяц и даже 2% в день, что на деле означало 720% в год. Особенно навязчивыми были предложения кредитов на покупку квартиры в Электросварочном, заодно можно было еще и приобрести шикарное авто.

Судя по объявлениям, особым спросом у электросварочников пользовались японские бренды типа «Тойота лэндкрузер» или «Лекзус». «Роскошь – достойная вас!», «Стань элитой с кредитом от нашего банка!», «Обмен вашего старого авто на новый Лекзус на беспрецедентных условиях! – зазывали жителей города рекламы. – Если купишь его, станешь сногшибателен!» Очувтившись за рулем такой крутой тачки, житель Электросварочного преисполнялся необычайной важности, а это чувствовалось и в горделивости его посадки за рулем, и в снисходительности к тем, кто в этом потоке оказывался ниже его рангом. А дальше он сидел в пробках вместе со всеми остальными и тыкал пальчиком в экран своего мобильного друга, при этом абстрагируясь от мысли, что приобретение для себя «такого подарка» вовсе не означает, что его теперь пустят в любое приличное общество. А вот рассчитывать за приобретение – долго и мучительно – придется.

В голове у Платонова это всеобщее кредитование города Электросварочного никак не вязалось со здоровой логикой. Он неизбежно ощущал, что люди, набравшие этих безумных кредитов, отныне и навсегда связывая свою судьбу с Городом Счастья, попадают в лапы коварного искусителя. Отныне все их мысли будут крутиться только вокруг ежемесячно огорчительных выплат по кредиту, а кто откажется их оплачивать – попадет еще в более цепкие руки разного рода коллекторов и судебных приставов. И теперь уже никогда, никогда больше им не выбраться из этого Города Счастья. Счастье города будет давать их, они будут потихоньку пить, чтобы загасить остроту проблемы, менее

устойчивые воспользуются заборной рекламой и перейдут на соли и миксы. Затем эти проблемы неизбежно перейдут на их детей, внуков. Город Счастья будет медленно и верно пожирать их.

В мае ситуация с поездками только усугубилась в виде царящих в вагонах смрада и духоты, от которой не спасали ни открытые фрамуги вагонных окон, ни обмахивание себя газетою или иным сподручным материалом. В тамбурах смрад еще сильнее, несмотря на то, что молодые парни и мужики своими спинами, с помощью пустых бутылок и даже спецустройств не давали автоматическим дверям полностью захлопнуться. Тогда машинист кричал через громкоговоритель:

– Дверь отпусти, иначе поезд не пойдет! – немного ждал, но все равно трогал состав с места. А куда денешься?

Тот раз поезд плелся особенно медленно, то и дело останавливаясь. Платонову досталось более-менее удобное стоячее место в тамбуре. Рядом с ним – лысеющий мужчина с длинным носом в джинсовом костюме и планшетом в руке. После очередного торможения поезд наглухо остановился. Невольно Платонов поймал взгляд пассажира и даже попытался пошутить:

– Вот и мы попали в пробку.

Мужчина обладал, видимо, большей информацией.

– Мне звонили, сказали, что час с лишним ехали до Сварки.

С началом лета жители Сварки, как стало ясно из телепередач, развернули непримиримую борьбу против железа, а точнее против автотранспорта, поглощавшего все освобождающее пространство вокруг их домов. Возникло много скандалов, заканчивавшихся жестокими драками между владельцами и владельцами, владельцами и невладецами. Борьба шла с переменным успехом. На машины бросали из окон камни, железяки, разный хлам, яйца, а некоторые, наиболее изощренные в этом деле даже пластмассовые пакетики с человеческими экскрементами. Попадая на машину, такой пакетик разрывался, покрывая красивое авто вонючей желто-коричневой жижей. В какой-то момент Платонов перестал следить за этой борьбой, поскольку ушел в свой большой научный отпуск, сначала поехал поработать на даче, а потом – в гости к матери в соседнюю область.

Пребывание у матери казалось каким-то странным: никто никуда не бежал, не толкался, все вокруг делалось медленно и размеренно чинно. Воздух чист, позволяет выспаться крепко и глубоко. Трава живая, зеленая. Даже работалось лучше, а телевизор смотреть совсем не хотелось. Окружающие также разговаривали по мобильным телефонам, но никто не был занят тыканием пальчиков в экраны. В лесу – грибы и ягоды, в реке водилась рыба. Пару раз он сидел на берегу с удочкой, наблюдая, как мимо него неторопливо движется вода, иногда закручиваясь в маленькие водовороты, широким шлепком плюхается щука, а рыба мелочь торопливо хватает с поверхности упавшую мошку. У воды сидеть полезно, хорошо. Платонов слышал, что вода уносит весь негатив, сидеть у огня, у костра также полезно.

На неделе заехал проезжавший мимо материного дома двоюродный брат Леонид. Это был невысокий, приземистый, но еще крепкий мужичок с ясными голубыми глазами и с сединой на висках. Поговорили о том – о сем.

– Вот, – сказал Леонид, – пару бычков завел, корову и двух телочек.

– Это же сколько трудов! – невольно вырвалось у Платонова.

Леонид потер руки:

– Да, немало, но тут раньше всегда так было. Все держали скотину. Сейчас мало кто этим занимается, народ обленился.

– А долго ли продержишься, Леня? – спросила мать Платонова Валентина Сергеевна.

– Теть Валь, сколько энергии хватит. Детей опять же нужно поднять, что там они ковыряются в городе: то денег недоплатят, то работа рухнет.

– Так ведь у тебя тоже могут быть проблемы со сбытом.

– Ничего, я уже клиентуру наработал. Главное Галина тоже включилась в работу. А так бычок – двести килограмм мяса, но помимо мяса еще есть свое молоко, сметана, творог.

Выяснилось, что Леонид едет собирать просушенное сено. Платонов вызвался помочь. Они поехали на газели – фургончике Леонида по проселочной дороге через поля, перелески, пока, наконец, не достигли луга, стали на краю. Вокруг свобода и простор, над лугом порхают белые и серые бабочки, стремительно пикируют, а затем набирают высоту стрижи.

– Там внутри вилы и грабли, – говорит Леонид.

Платонов с братом взяли нехитрый инструмент и пошли в сторону. Они поднимали просохшее сено, утрамбовывая им фургон. Наконец сено собрано, они едут домой к Леониду. Дорога слегка пылится за машиной, подрагивающей на ухабах. Запах свежего сена ничем не передаваем, он приятно щекочет нос.

Леонид живет не в райцентре, а в деревне в трех километрах от него. Продал квартиру и построил на эти деньги дом. Дом у брата из аккуратно сложенного силикатного кирпича, просторный и чистый, участок большой с клумбами для цветов, садом и огородом – и когда только успевают! Рядом с домом навес для грузовой машины и гараж для джипа. Недавно Леонид приобрел подержанную «Мицубиси-паджеро». В стороне ближе к полю расположен коровник. Леонид ведет Платонова показать свое хозяйство, они осматривают коровник. Часть его для коров и телок, другая – для бычков.

– Слушай, а как ты отапливаешь его зимой, ведь коровам холодно? – вдруг спрашивает Платонов.

– Да никак. Ты видишь, я его утеплил. Корова она сама как батарея, зимой в коровнике температура ниже 13 градусов не опускается.

Около дома их встречает жена Галина.

– Вот связались с чем, – сетует она, – уже второй год.

– Сейчас выгрузим сено, – говорит Леонид, – накрой-ка нам стол.

– И что?

– Да что? Брат приехал.

Они выгружают сено, садятся за стол. Из холодильника достается запотевшая бутылка водки. На столе говядина тушеная в сметане, грибы, свежие фрукты и овощи.

– Пригласил бы тебя в баню, – говорит Леонид, – но ее надо заранее было затапливать. Давай в следующую субботу.

Скоро в доме появляется новое действующее лицо – сосед Виталий. Мотыльки летят на свет. Виталий высок, сухопар, а руки у него сильные, жилистые, рабочие. Наверное, почувствовал, чем дело пахнет, и заглянул под надуманным предлогом – спросить, есть ли у Леонида антифриз. Гостю предлагают присесть. После выпитой рюмки завязывается разговор

о делах, о технике. Виталий также приобрел дом в деревне, теперь вот хочет его расширить, коров не завел, а вот птицу – кур, гусей и цесарок – будет разводить. Пока только три десятка кур. Виталий – хороший плотник и в основном ездит по шабашкам.

– Я тебе вот что скажу, Алексей, – обращается Виталий к Платонову, – насчет твоей Москвы.

– А ты что, сильно хорошо Москву знаешь? – перебивает его Леонид, чувствуя в интонации какую-то подкавыку.

– Обожди, Михалыч, – отмахивается Виталий. – Я твоему брату скажу, прямо без обид. Москву я знаю, я туда ездил несколько раз, в прошлом году тоже был. Так вот: говно твоя Москва!

– Обоснуй, если такое говоришь, – вступается Леонид.

– А я вот в интернете прочитал, американские ученые выяснили, что магнитное поле земли – благоприятно действует на людей, оно их бережет.

– А Москва-то здесь причем?

– А вот при том, что благоприятно оно действует только до высоты третьего этажа, а дальше воздействует неблагоприятно. Это точно! А в Москве что ни дом – то высотка.

– Сильно ты, Виталь, интернетом увлекся! – опять вступается брат.

– А что, мы в нем сидим, мы с Нинкой и кино теперь смотрим онлайн. Любое кино – вот дожили. И на хрен нам твоя Москва.

Платонов что-то не очень убедительно возразил собеседнику, но именно в этот момент вспомнил свой Электросварочный. Вот здесь люди живут – в естественной красоте, на природе, рубят дома, выращивают еду для людей. Они слились с природой, став ее естественным продолжением. А там, в Сварке идет какая-то мышьяная возня, большинство людей занято ненужными делами в основном по обслуживанию друг друга и их не совсем понятных запросов – в толкотне, смраде промышленных испарений, выхлопных газов на неживой земле. И все это ради чего? Большинство жителей Электросварочного – приезжие, они побросали свои обжитые места, покинули вот такие российские регионы, чтобы отправиться в Москву искать счастья. Но в самой Москве не зацепиться, жилье сильно дорого, а тут вот подвернулся Город Счастья. Но нашли ли

они его в нем? А если уж и есть Город Счастья или Земля Счастья, то находится он вот тут, но никак не в Сварке.

– Только вот, Виталий, люди в Москву едут именно отсюда, – изрек, наконец, Платонов. – Думают, там им будет лучше.

– Да чепуха это все! – отмахивается Виталий. – Счастье – это когда призвание. А тупо добывать деньги – это не призвание. Добудешь – и что? А призвания-то и нет. Счастье к деньгам не всегда прилипает! А вот к счастью и деньги иногда приходят.

– А ты-то нашел свое призвание? – подначивает его Леонид.

– А вот я дом срублю, поставлю, а потом нет-нет, да и проеду мимо. И мне нравится смотреть на свое. Думаю: вот ведь это я сделал, и хорошо сделал! И людям в моем доме тоже хорошо живется. Вот оно призвание!

– Я работаю в научной организации, – сказал Платонов, – и не могу бросить свою работу. Такая профессия, а так бы с удовольствием бросил Москву и уехал хоть к вам, хоть куда еще.

– Это понятно, – не унимался Виталий, – ты на самом деле не можешь, уже вон доктор наук, профессор. Но другие-то куда лезут, чем там у вас намазано? Ведь не медом же?

Лишь когда стало смеркаться, Виталий засобирався, сославшись на то, что нужно загнать кур из загона в курятник. Мужички вызвали такси, и Платонов отправился к матери ночевать.

– Извини, брат, – напутствовал его Леонид, – что не могу тебя лично отвезти домой. У нас гаишники сильно лютые. Все силы бросают на то, чтобы пьяного за рулем поймать. Теперь это стоит пятьдесят тысяч или лишение прав на два года. Я уже без прав не могу.

Такси подъехало на удивление быстро, а еще через три-четыре минуты оно уже въезжало в черту райцентра. «Вот живут люди, – думал Платонов, оглядывая темные очертания окрестностей, – имеют свое дело, хозяйство, пахут строят, кормят себя и других. От них польза и благо». Впрочем, это его мнение, другим оно, может быть, и не интересно вовсе. У каждого свое понимание счастья.

К осени Платонов вернулся в Москву и еще несколько раз ездил на электричке через Сварку. В вагоне электрички появились новые объявления, пуще прежнего заманивающие людей в Город Счастья:

«Квартиры в новом квартале «Ольгин лес» для замечательных людей!» А вообще замечательный человек — это кто, и каковы критерии замечательности? Он сам себя таковым считает, или же его таковым делают другие люди? Например, новые хозяева нелепого строения обретают такой статус, а вместе с ним ключи от входа в закрытый клуб людей замечательных? А к этим квартирам полагается еще и школа для одаренных детей. Понятно, что любому замечательному человеку хочется считать, что его оболтус особо одарен, непонятно только чем. Но ведь для одаренной школы нужны помимо всего прочего еще и одаренные преподаватели. Это как-то организаторы Города Счастья не учли. Или, по определению, замечательные люди будут воспитывать одаренных детей?

Как своих старых знакомых Платонов увидел все тех же Красавицу, Чушку, г-на Сарделькина и Важняка. В их облике и поведении мало что изменилось. Только при ближайшем рассмотрении Платонов обнаружил у Красавицы немало изъянов. Например, ноги у нее были не округлыми, как у большинства женщин, а мускулистыми, более похожими на мужские, да и вблизи ее лицо выглядело не столь безукоризненно. К тому же он вспомнил, как называется пластмассовый материал, из которого сшит пиджак Важняка. Это полиэстр.

А вот у Чушки явно наметились изменения в лучшую сторону: на ней был чистый светло-серый плащ, болотного цвета брюки, обтягивавшие толстые икры ног, через плечо была переброшена новая, еще не запачканная и не затертая кофейного цвета сумка, на ногах туфли-балетки ярко-синего цвета. Но главное состояло в другом: вся она как-то преобразилась и, как показалось Платонову, стала даже искоса поглядывать на других людей. В ее жизни произошло что-то позитивное, очевидно, на нее кто-то обратил внимание.

В конце сентября Платоновы забрали тещу обратно в Москву, на даче возникли проблемы с отоплением. Жизнь теперь началась чисто московская. Но вот как-то раз в метро, проезжая в поезде зеленой линии, Платонов не поверил своим глазам: в двух проходах от него стоял Сарделькин. Все тот же высокий рост, мощная голова, плавно переходящая в тело, двойной подбородок, большой округлый живот, серого цвета волосы, очки на глазах, все та же мобила, в которую он время от

времени тыкал толстым пальцем, все та же отрешенность от всего остального мира. Вот те на! Но в тот же момент вагон качнуло, человек вынужденно повернулся в сторону, и Платонов заметил, что этот вовсе не Сарделькин, а совсем другой человек – похожий на него манерами, фигурой, но в чем-то отличный. Клон какой-то!

Следующей весной Платонов, случайно проезжая электричкой через Сварку, вновь встретил Чушку. На ней было все то же старое и не совсем чистое пальто, на ногах – все те же бесформенные бахилы. Она еще глубже уткнулась в свой экранчик, еще ожесточеннее тыкала в него пальчиком, не обращая внимания ни на кого вокруг из примостившихся рядом. Что-то у нее не сложилось, наверное, Город Счастья не оправдал ее надежды на более светлую жизнь. А скорее всего, поглотил ее напорной рутинной своих забот.

Москва, 2015